

Тов. СТАЛИНУ.

Разосланы 17. II 1937 г.

№ 123464

Дорогой тов. Сталин,

Я все эти дни (главным образом ночи) из последних сил выбивался, чтобы разобраться в клеветах, поскольку у меня были документы (у меня были Радек, Сок-ов, Пятаков, Цетлин из тех, которые меня касаются). Если прочесть троцкистов, получается сумма ужаснейших против меня обвинений. Читать всю эту историю вновь и вновь было прямо не под силу: сердце останавливалось. И я все же разобрался в этом материале и написал его подробный анализ, мне кажется, достаточно убедительный. Я очень прошу тебя его прочесть. Особенно интересно с Сокольниковым: ведь, на суде он взял по существу назад все то, что он говорил на очной ставке, и Вышинский этого не заметил! Важнейшее показание в два счета было заменено другим (тоже лживым, но имеющим несколько другую "прагматическую ценность"). Как никак, но, мне кажется, троцкистских лжесвидетелей мне удалось раздеть почти до-нага, несмотря на огромную трудность этого дела.

Я уже принялся за правых (написал о Куликове, начал писать о Цетлине), когда часа в 2 ночи позвонил тов. Н. И. Ежов и сообщил мне о том, что имеется бесконечное количество показаний (допросили всех "учеников", профсоюзников, раньше еще были допрошены Угланов и К-о и т. д. и т. п.). Я просил, чтоб завтра мне были присланы важнейшие показания. Но как же я смогу обработать весь этот материал за 4 дня? Как я на него буду отвечать на Пленуме? Ведь, все это - не "легкая дискуссия", это требует чтения с карандашом в руке, сличений, обдумывания, если относиться к делу серьезно. Я - в особенности при теперешнем моем нервном истощении и крайнем упадке сил,

не могу быстро реагировать: мне нужно разобраться в материалах; ведь, речь идет о моей политической жизни, всей жизни. Я не буду здесь повторять, что лгать на самого себя никогда не буду, хоть был бы миллион лжесвидетелей. Разбор троцкистских клевет и случай с Сокольниковым достаточно показывают всю "ценность" самых смелых и самых т.н. "искренних" заявлений лжесвидетелей.

Я не могу не относиться с сугубой серьезностью к делу: да и сам я не хочу ошибиться; я вот ошибся на несколько дней с Николаевым (когда возражал Радеку и упустил, что вы уезжали в Ленинград), писал тогда в одну ночь ответы. А теперь что получится?

Троцкистов я разобрал. А правых - еще нет, ибо у меня были только показания Цетлина. Между тем разобрать лжесвидетельства правых мне не менее необходимо. Раньше можно было бы прислать мне имевшиеся уже давно показания (Углова, Котова, Астрова, Слепкова, Куликова и других). В частности, я просил прислать мне показания Слепкова (в связи с телефонным звонком т.Л.М.Кагановича о моем заявлении прокурору). Но мне ничего не прислали, а теперь на меня сразу обрушивается Монблан, и мне готовы прислать хоть все.

Тов.Ежов будет докладывать на пленуме на основе всех этих материалов, и он верит всем этим оговорам. А я как буду отвечать? Ведь, я не в состоянии буду их до той поры даже разумно изучить и отбить атаки. Там - целый громаднейший аппарат, здесь - я один.

Как же быть? Я не знаю. Но я должен иметь право на самозащиту и знать материал и иметь время на его разборку.

Не может пленум передоверить дело П.Б.? Я лично на это полностью был бы согласен: мне важно время, а не формальность

Кроме того, я прошу прилагаемую первую часть моего заявления пленуму размножить и разослать всем членам и участникам пленума ЦК. Ведь, они читают все, что против меня и не читают ничего, что я говорю в свою защиту.

Дорогой Коба, я очень прошу: прикажи разослать этот мой материал немедленно. Я буду стараться дни и ночи читать и другие показания (кое что мне завтра, т.е. сегодня, пришлют-обещал т.Ежов) показания правых, что мне еще более важно, чем троцкисты. Но, если гнать чрезмерно клячу, то она издохнет, а больная кляча - издохнет скорей. Какой выход здесь может быть найден, я не знаю. Но я не могу отвечать, не зная материалов, только "на слух" и на "впечатление" от доклада Н.И.Ежова. Я вижу на разборе троцкистской клеветы, как важна категория времени. Я уверен, что при тщательном анализе показаний правых я тоже многое мог бы вскрыть и, мне кажется, имею право на то, чтоб эта возможность мне была дана.

Не буду говорить снова, как я измучен. Иногда хочется сказать: делайте со мной, что хотите, но ради бога поскорее. Я ни в чем невиновен, но не могу больше сидеть на колу. Охватывает смертельная апатия, усталость безграничная, тоска безмерная.

Н. ВУХАРИН.

П.С. Хочу тебе напомнить, что вся эта публика (и Угланов и К-о, и "ученики") не могла видаться со мной после 1932 года,

за немногими исключениями. Ибо большинство все же сидели или были вне Москвы: это можно доказать без всякого труда.

НБ.

П.П.С. Когда я еще ходил в редакцию, то - вдруг, странным образом, в течение последнего времени, меня хотели видеть (звонили в мой бывший секретариат): Астров, Семенов, Гольденберг, кто-то от Котова. Никто раньше ко мне не звонил, и вдруг такой букет! Я ни с кем не захотел ни видетсья, ни говорить. Если бы я поговорил, напр., с Астровым, воображаю, о каких бы моих директивах уже в 1936 году он бы наговорил!! Вот был бы "триумф" обвинения! И как только бог надоумил меня отказаться от всяких разговоров! Что у всех у них, поскольку они клеветуют, под влиянием всей обстановки, есть прямо богдановский "социально организованный опыт" вместо реальности, это для меня очевидно.

8 ч. утра 15-П-37.

РАССУЖДЕНИЕ.

Мне кажется, что по отношению ко мне есть один предрассудок или предвзятость:

Люди думают, что меня нужно поразить, по-просто "оглушивать" неожиданностью: неожиданным показанием, неожиданной очной ставкой и т.д.; внутренний мотив: а, может, "он" тогда растеряется и "сознается".

Но суть-то в том, что я могу быть оглушен (и бывал), могу растеряться (и это бывало от неожиданности и чудовищности обвинений), но никогда не могу "сознаться" в том, чего не было. Вот в чем суть.

Мне кажется, что эта методика играла известную роль и в вопросе о присылке материалов. Почему ряд их нельзя было прислать заранее? Потому что перед самым Пленумом нужно "оглушить" горой: - "он", мол, запутается, и что-нибудь выскочит. Для Пленума тоже можно что-либо приблещать и т.д. Я понимаю такую тактику по отношению к врагу.

К сожалению, меня иные считают им. А если рассуждать трезво: ну, что плохого, если Бух. во всем разберется, и при том спокойно? Не может же он переделать показания и все материалы?! А если он поймает кого-либо в клевете, то что тут плохого? Ведь, целью всего является раскрытие правды, а не обязательное угрождение человека. Спасая человека от

95
95
Вкладка.

НОЧЬЮ.

Опять не сплю всю ночь.
И в жуткой тишине
Мне чудится, что дочь
Рыдает обо мне...

Светает за окном.
Дрожит машины гуд.
В моем мозгу больном -
Кровавый, терпкий зуд.

Кошмары бродят здесь,
Они терзают ум,
И бедный дух мой весь
Стал мрачен и угрюм.

И нагло в час ночной
Хохочет КЛЕВЕТА,
И в даль летит стрелой
Погибшая МЕЧТА.

Ночь на 13.П-37.

■ ■ ■ Одну мою родственницу, Веру Евгеньевну Бухарину, в семье которой я за 20 лет был, м.б., три раза, сперва хотели за фамилию совсем выгнать со службы (так и сказали, что за то, что она - моя родственница), а затем заявили, что снимут с завед. лабораторией (фабр. Красн. Октябрь б. Эйнем у Москва-реки), т.к. она... кормит грудью ребенка! ■ ■ ■

(Сообщил мне мой старик "отец").

5

клеветы, люди делают такое же полезное дело, как и обнаруживая действительно виновного. Какая же опасность для дела от внимательного разбора материалов обвиняемым?

Я все думаю вот о чем: предположим, что я - один из слепковцев, сидящий уже почти 5 лет в изоляторе или ссылке и т.д. Читаю газеты. Вижу, что Бухарина обвиняют бог знает в чем: Радек говорит то-то,

Пятаков то-то

и т.д.

С газеты сняли, очевидно, он арестован, в резолюциях массы требуют суровой ответственности, суда и т.д., даже говорится, что у него "руки в крови" (были и такие резолюции! Это про меня - я едва жив остался после этого, но это - другое дело. Н.Б.)

Значит, Бухарин хуже нас во сто раз: хоть мы его и надували, а он оказался вот он какой!

Значит Бухарин - погиб уже безвозвратно.

Поделом ему! А нас он все годы контр-революционерами числил, предал и т.д. Можно на него валить все, что угодно: ему уже все равно, а мы будем "искренни", к тому же он считался когда-то одним из руководителей партии, он и отвечай. А иначе тебя, пожалуй, заподозрят, что ты что-то скрываешь.

.....

Расплата моя за давнишние грехи 28/29 тяжка и сурова, но проценты берутся историей поистине ростовщические...

Спать - но не могу. Иногда кажется, что пространство, со всей своей эйнштейновской кривизной, налезает на меня, а потом качается назад.

- Прошу извинить за плохую переписку на машинке текста моего заявления Пленуму (часть 1, которую здесь прилагаю).

Анюта переписывала по ночам одним пальцем, ибо у меня никто не умеет писать на машинке, а рукопись была невозможно грязна и неразборчива, ибо я тоже писал ночами и с вспухшей головой.-

Приписка днем в 4 часа: в 11 ч.у. я принял сильную дозу снотворного, чтоб забыться 15-П и заснуть. Проснулся сейчас, в 4 часа: никаких материалов еще нет: значит, еще день почти прошел.